

ЭТНОЛОГИЯ

Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, РФ
E-mail: bravinari@bk.ru

НОВАЯ СТАРАЯ ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ (к 100-летию этнографа, фольклориста и краеведа А.А. Саввина)

А.А. Саввин (1896–1951) — один из первых якутских этнографов и фольклористов, оставил огромное научное наследие, из которого при жизни ученого была опубликована лишь небольшая статья. В рукописном отделе ИГИиПМНС СО РАН хранится его личный фонд, насчитывающий около 100 ед. хранения общим объемом более 500 п.л. Направляющей идеей его работ являлся вопрос о происхождении якутов. А.А. Саввин при жизни не успел оформить свои взгляды в стройную систему, тем не менее его заметки и соображения, основанные на широком использовании фольклорных, этнографических, лингвистических и археолого-исторических данных, выдержали проверку временем. Целью статьи является отбор, упорядочение, систематизация его разрозненных заметок и набросков и воссоздание тем самым его видения проблемы происхождения якутов. Многие положения и идеи А.А. Саввина находят ныне научное подтверждение, свидетельствуя о глубине его проникновения в исследуемую научную проблему. К таковым относятся трехэтапная периодизация этногенеза якутов, выделение пласта якутско-хуннских параллелей, персонафикация древних и средневековых родов, составивших ядро народа саха, вопрос о раннем (дорусском) освоении скотоводами-кочевниками северо-восточных окраин и т.д. В этом контексте в статье рассматриваются современные концептуальные положения по проблеме этногенеза якутов, основанные на комплексном анализе новейших данных палеоэтнографии и артефактов из археологических открытий последних лет.

Ключевые слова: А.А. Саввин, гипотеза, этногенез, якуты, взаимовлияние, народы, культуры.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105

Введение

В истории изучения вопроса о происхождении якутов первую половину XX в. можно обозначить как время революционных идей и прорывов. Речь идет об известных концептуальных положениях, выдвинутых Г.В. Ксенофоновым [1937], С.А. Токаревым [1941] и А.П. Окладниковым [1949]. В рамках этих концепций начиная с 1970-х гг. появился ряд гипотез, существенно продвинувших и дополнивших изучение данной проблемы благодаря значительному расширению источниковедческой базы и применению новых междисциплинарных методов исследований [Константинов, 1975; Зыков, 1982; Гоголев, 1993; Алексеев, 1996, 2013; и др.].

К несомненным достоинствам науки относится то, что в ней, в отличие от других сфер человеческой деятельности, ничего не выбрасывается на «свалку истории». Новые идеи, согласно принципу «новое — это хорошо забытое старое», порой заключены в старых, давно забытых или же оставшихся незавершенными, так называемых рабочих, черновых гипотезах. Реконструкция и интерпретация их могут корректировать и дополнять существующие теории и содействовать их развитию.

В истории якутской этнографии имя Андрея Андреевича Саввина (1896–1951) занимает особое место. В рукописном отделе ИГИиПМНС СО РАН хранится его личный фонд, состоящий из 95 ед. хранения общим объемом более 500 п.л. [Романова, 2016, с. 32]. Среди этих материалов содержатся рукописи, касающиеся вопросов происхождения народа саха и его культуры: «Аналогии в культуре якутов и сойотов» (д. 1), «Южные элементы в орнаментике якутов» (д. 31), «Выписки и записи из разных источников по истории Якутии» (д. 73, 74), «Теории о происхождении якутов» (д. 75), «Параллели к якутскому эпосу из сказаний других народов» (д. 86) и др. Они представляют собой полевые материалы, собранные во время Вилюйской (1937 г.) и Северной

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

(1939 г.) экспедиций ИЯЛИ при СНК Якутской АССР, черновые наброски, разрозненные заметки и замечания, а также многочисленные выписки из трудов по истории, археологии и этнографии Южной Сибири, Центральной и Средней Азии. Эти выписки, сопровождаемые авторскими рассуждениями и комментариями с привлечением собственных полевых материалов, несомненно, также составляют часть научного наследия А.А. Саввина. В автобиографии он пишет: «Еще в 1928 г. решил посвятить себя изучению якутской этнографии, и стал выписывать из центра книги по теоретической этнографии... К изучению и собиранию материалов по этнографии и фольклору своего народа приступил с 1934 г., с этой целью... забирался иногда в очень глухие районы... разъезжал на свои средства и по линии научных учреждений по наслегам и районам Якутии» [Саввин, 2016а, с. 116].

В изданном в наше время его монографическом исследовании «Пища якутов до развития земледелия» [2005], на основе историко-сравнительного изучения традиционной системы питания народа саха и особенно происхождения якутского земледелия, он изложил свое видение изначальных, главным образом древнетюркских, истоков якутской культуры. А.А. Саввин при жизни не успел оформить свои взгляды в стройную систему, тем не менее его заметки и соображения, основанные на широком использовании фольклорных, этнографических, лингвистических и археолого-исторических данных, содержат идеи и предположения, которые могут стать ориентиром для дальнейших исследований в этом направлении. Целью настоящей статьи является отбор, упорядочение и систематизация материалов и рукописей А.А. Саввина и воссоздание его видения проблемы происхождения якутов.

Теоретическое обоснование и периодизация истории формирования якутов

При разработке своих предположений А.А. Саввин исходил из теоретического осмысления проблемы формирования народов. Судя по наброскам, исследователь придерживался определения этногенеза «как элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ», принадлежащего С.А. Токареву [1949, с. 15]. При этом он считал необходимым проследить историю всех этнических предков в лице различных родов, вошедших в состав якутского народа.

В набросках, объединенных под названием «Заметки по этногенезу якутов», «притаившихся» среди выписок из разных источников, А.А. Саввин пишет, что вопрос формирования якутов должен рассматриваться на фоне крупных исторических процессов, протекавших с древнейших времен до позднего средневековья на территории Центральной и Северной Азии [д. 73, л. 94]. Придерживаясь этого методологического подхода, развивая существовавшие тогда теории, он делит формирование якутского народа на три исторических этапа.

Первый этап ученый относит к I–IV вв. н.э., когда на территории Центральной и Северо-Восточной Азии, к северу от границ Китая, существовал могущественный военный союз гуннских племен, сложившихся, согласно китайским источникам, в конце III в. до н.э. «Гунны были настоящими кочевниками, отличавшимися исключительной выносливостью. Их обычаи и занятия были во многом сходны с якутскими» [Там же]. В заметке «Ойууттар», датированной 1942 г., он пишет, что якутский белый шаман *айыы ойууна*, по сути, является родовым жрецом и связан с культом неба, характерным для древних кочевников Центральной и Восточной Азии, прежде всего хуннов [Саввин, д. 50, л. 4–5]. В середине I в. до н.э., в результате восстания подвластных им племен и поражения от китайцев, гунны распались на «северные» и «южные» племена. Автор допускает, что некоторые «осколки» этих племен могли уже тогда попасть в бассейн Средней Лены.

Второй этап А.А. Саввин приурочивает к эпохе господства в Центральной Азии и Южной Сибири в VI–VIII вв. н.э. тюрков-тюю, создавших империю тюркских каганов [д. 73, л. 94]. Вслед за Г.В. Ксенофонтовым он считал, что после падения Уйгурского каганата в IX в. часть уйгурских родов, переселившись в Прибайкалье, появляется в Якутии [Саввин, д. 51, л. 13].

Третий этап, по гипотезе А.А. Саввина, относится к периоду возникновения, расцвета и упадка мировой империи монголов, распространивших свою власть в «Центральной и Северной Азии вплоть до берегов Ледовитого океана» [д. 73, л. 95].

Согласно своей периодизации, освоение древними предками саха Средней Лены А.А. Саввин рассматривает как длительный процесс, растянувшийся по меньшей мере на 1000 лет: «Как в эпоху господства гуннов, так и в период владычества древних тюрков и монголов, когда территория Центральной Азии и Южной Сибири становилась ареной кровавых битв, бассейн великой реки Лена очевидно служил местом, куда стекались разбитые остатки и осколки раз-

личных этнических образований. Несомненно и то, что р. Лена с ее пастбищами и богатыми охотничьими угодьями служила областью, где с древних времен в поисках добычи кочевали различные по своему происхождению племена. Некоторые из них осели и их можно назвать автохтонными» [Там же, л. 94]. Эти «осколки» древних племен, находясь на окраине степных империй, какое-то время продолжали поддерживать родственные, торговые, а возможно, и политические связи со своими центрами. Идея А.А. Саввина о ранних кочевниках отчасти подтверждается находкой в Якутии китайской монеты «у-шу», обнаруженной в культурном слое III многослойной стоянки Улахан-Сегеленнях на р. Токко и относящейся к последней серии выпуска этих монет VI в. А.Н. Алексеев связывает их с хунно-сяньбийским периодом — временем появления на территории Якутии первых кочевников-скотоводов [2013, с. 67, рис. 3].

Проникновение на территорию современной Якутии скотоводов-кочевников и «бродячих лесных племен», по мнению А.А. Саввина, осуществлялось разными путями — «через верховья рек Лена, Вилюй, Олекма и Алдан» [д. 73, л. 64]. При изложении своей гипотезы о происхождении земледелия у якутов он пишет, что якуты до сравнительно недавнего времени по ХКТ условно делились на *дойду дьоно* и *тыя дьоно*. К первым относились жители долин крупных рек, в особенности р. Лены, где доминировало скотоводство. К *тыя дьоно* принадлежали таежные и лесные жители, которые промышляли в тайге [Саввин, 2005, с. 195]. Исследователь предполагает, что в группу таежных жителей входили первые кочевники, не сумевшие адаптировать скот к суровым условиям севера и по этой причине вынужденные перейти к присваивающей форме хозяйства. В этой связи он напоминает, что мангазейские казаки на Вилюе встретились в начале XVII в. с родами «пеших» якутов, занимавшихся рыболовством и охотой, и «конных» якутов «тогус» [Саввин, д. 73, л. 36]. Некоторые исследователи видят в «пеших» якутах племя туматов — одну из пришлых этнических групп тюрко-монгольского пограничья, которая смешалась с местным прауральским населением Вилюя и позднее, отчасти в этом составе, растворилась среди тунгусов [Ушницкий, 2013, с. 72–74]. В этом контексте примечательно предание о племени «сах», «сахалар», «с продолговатыми головами, с узкими бедрами», проживавшего на Лене задолго до прибытия Омогоя и Элляя — легендарных прародителей якутов. Занимались они охотой на диких оленей, лосей и рыбной ловлей [Боло, 1994, с. 22]. Возможно, в предании речь идет о людях с преднамеренно деформированной головой. На территории Евразии обычай деформации головы был массовым, повсеместно распространенным явлением, но более широкое распространение получил во II–IV вв. под влиянием гуннов. Деформированные черепа встречаются в каждой без исключения серии гунно-сарматского времени [Попов и др., 1997, с. 79]. У якутов традиционного времени идеальной формой считалась круглая голова и с этой целью ежедневно в течение первых трех месяцев массировались головы новорожденных. Про длинноголовых людей говорили, что затылок у них как у желны (черного дятла) [Саввин, д. 35, л. 37; д. 50, л. 18–20]. К наиболее древним пришельцам, ставшим впоследствии «автохтонными предками» якутов, А.А. Саввин относит племена баятов, байджи, гаогюй (уйгуров), уранхайцев и бома — жителей бассейна р. Мома [д. 73, л. 64].

Заселение северных окраин Якутии — бассейнов рек Индигирки, Яны и Колымы, согласно его предположению, происходило значительно раньше русской колонизации. «Это было связано с прибытием новых пришельцев — канглов-хангланцев. Уцелевшие в противостоянии с ними остатки ранних кочевников... подались на север» [Там же, л. 63–64]. Поэтому в «акающих» кобьяйских, намских, борогонских, дюпсинских, янских, индигирских и колымских якутах «мы должны видеть бывших автохтонов Средней Лены» [Там же]. Междоусобные войны, происходившие в исторический период, известный под названием «кыргыз уйэтэ (век битвы и резни)» (конец XVI — начало XVII в.), А.А. Саввин связывает с последней волной «южных» предков якутов, считавших себя потомками Элляя, — кангаласцев. «Межплеменная борьба якутов, проходившая до эпохи завоевания русских и продолжавшаяся вплоть до XVIII в. есть борьба автохтонов с новыми пришельцами, борьба разнородных по своему этническому происхождению племен за охотничьи, рыболовные, пастбищные и сенокосные угодья, сопровождаемая обычаем кровной мести. Противостояние таттинских якутов под предводительством Кэрэкээна с байагантайцами можно рассматривать как борьбу новых пришельцев — таттинцев с автохтонами края — байагантайцами» [Там же, с. 62]. По преданиям, люди Кэрэкээна первоначально проживали на хангаласских землях и входили в роды Баатылы, Бахсы и Багарах, пока, отделившись от них, не переселились на р. Татта [Боло, 1994, с. 268–270]. В байагантайцах современные исследователи склонны видеть прямых потомков телесского племени баегу (байырку), перешедших на мон-

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

гольский язык после X в., когда переселяющиеся из Маньчжурии монголоязычные племена заняли господствующее положение в Центральной Азии [Харинский, 2003, с. 97; Ушницкий, 2013, с. 40].

Таким образом, А.А. Саввин рассматривает якутский народ как конгломерат различных древних и средневековых племен, исторические судьбы которых сопровождались сложными этногенетическими процессами, вызванными разного рода «передвижениями и переселениями, в результате чего происходили их частичное поглощение или ассимиляция, дробления и распады, сокращения и перерождения» [д. 73, л. 96]. Взаимодействие в этногенезе различных этнических групп происходило не только разными темпами и с разной интенсивностью для каждой из них, но и нередко в различных направлениях: «изменялись или исчезали языки, обычаи, культуры, соматические (телесные, антропологические. — Р. Б.) особенности, этническое самоназвание» [Там же].

Начальные истоки этногенеза саха

Согласно гипотезе А.А. Саввина, определяющую роль на начальном этапе этногенеза якутов сыграли потомки древних уйгуро-тюркских племен Центральной Азии, связанные с историей хуннов. В одном из текстов олонхо, записанном на Вилуе, говорится о богатырском коне кроваво-красной масти, рожденном от жеребца заоблачной страны Тебет [Саввин, д. 29, л. 114]. Внизу приводится выписка из известного китайского источника хуннского времени: «Во владении Давань (Фергана) есть высокая гора. На горе живут лошади, которых невозможно достать, поэтому (население) берет пегих кобылиц и оставляет их у подошвы для случки. У рождающихся жеребят вместо пота выступает кровь, и их называют жеребьятами от небесных коней» [Бичурин, 1950, с. 149]. Этих коней китайские военачальники жаждали получить для военных противостаний против кавалерии хуннов. В комментарии А.А. Саввин, ссылаясь на работу Н.А. Аристова [1897, с. 179], пишет, что якутские представления о небесных лошадях могли формироваться в тот период, когда их предки — древние индоиранские группы, носившие этноним «саки», проживали на Тянь-Шане с вершиной Хан Тенгри.

В материалах «Тотемизм. Кетер танаралар уонна кыыл танаралар» А.А. Саввин обращается к легендам об Огуз Хане, родоначальнике 24 колен огузов, вобравшим в себя не только исторические, но и мифологические и космогонические сюжеты. Отмечая, что от брака Огуз-хана с небесной девой рождаются три старших сына — Кун (солнце), Ай (луна) и Юлдуз (звезда), он приводит отрывок из якутского олонхо «Дьулуруйар Ньургун Ботур», где упоминаются Кун-тойон, Ый-тойон и Сулус-тойон, которые живут в верхнем мире и входят в небесное племя *айыы* [Саввин, д. 69, л. 104]. Ссылаясь на работу С.П. Толстова [1935, с. 7], А.А. Саввин сопоставляет якутское слово *айыы*, обозначающее высших белых божеств, со словом *ai*, которым называют медведя — тотемное животное туркменского племени нукурли. Согласно его записи «Охота на медведя», сделанной в Верхоянском районе, якуты, когда охотятся на медведя в берлоге, будят его словами: «Вставай, проснись, пришли воины племени *кун айыы*» [Саввин, д. 50, л. 1]. По мнению современных казахских исследователей, с образом мифического Гюнхана соотносится древнее туранское племя саков-хионов, в средневековье известное в том числе и как телеское (огузское) племя 'кун' [Муратов, Суюнов, 2015, с. 653].

В этих же материалах, делая выписки о происхождении тюрков-огузов от голубого волка (кокбори) и монголов (шино/чоно), исследователь подчеркивает, что у некоторых народов, например у киргизов и западных монголов, в роли прародителя выступает собака. В енисейских памятниках письменности упоминается внутренняя борьба киргизов с племенем «семи волков», а также их подразделениями — синим волком и черным волком (см.: [Тюркские народы Сибири, с. 544]). В якутской этнографии Ф.Ф. Васильев поставил вопрос о возможной связи имени рода бере-бетун с самоназванием печенегов ит-беченг [Васильев, 1995, с. 23]. «Баджна» или «ит-беджене», т.е. печенеги, как отдельное племя, наряду с канглы, входили в состав кыпчаков и огузов. По этому поводу А.А. Саввин высказывает весьма интересную мысль относительно происхождения этнонима *саха*, связывая его с персидским *sak* — «собака» [д. 69, л. 102]. При этом ссылается на замечание С.П. Толстова о том, что хунны и предшествовавшие им племена кочевников северо-западных окраин Китая предстают в китайских источниках как «собачьи варвары» [Толстов, 1935, с. 12–13]. Автор фундаментальных работ по этногенезу якутов А.И. Гоголев не отрицает древнюю связь этнонима «саха» с тотемным самоназванием ираноязычных племен *сака*, правда в значении «олень» [1993, с. 41]. Интерпретация слова «сах» как «бог» в свое время была предложена основателем ИЯЛИ, ученым-лингвистом П.А. Ойунским

[1928]. Примечательно, что в якутском языке иногда *сах* приравнивается по смыслу к слову «ыт» (собака) — *Сах/ыт билэр* (бог его знает). Таким образом, А.А. Саввин первым в якутской этнографии высказал догадку, что истоки культуры якутов и близких к ним тюркоязычных народов Сибири уходят в древнеиранский мир.

А.А. Саввин понимал значение археологических материалов в изучении вопросов этногенеза, о чем свидетельствуют его выписки из статьи М.И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии» [1949]. В комментарии к конспекту работы С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» [1949] он пишет, что якутское женское украшение *еттлюк симэээ* в виде парных конских голов схоже с бронзовыми амулетами таштыкского времени, обнаруженными на территории Минусинской котловины. Он допускает распространение подобных подвесок у средневековых кыргызов, так как аналоги обнаруживаются в курганах Киргизии VII–VIII вв. [Саввин, д. 31, л. 5]. Его предположение в наши дни подтверждается материалами якутских погребений позднего средневековья. По мнению А.Н. Алексеева, костяные подвески из погребения Орджон-2 на Вилюе могут иметь енисейские истоки [Алексеев, Крюбези, 2016, с. 99, рис. 1–3].

В папке «Стремена» из личного фонда А.А. Саввина содержатся зарисовки экспонатов Чурапчинского краеведческого музея и Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Среди них интерес представляет рисунок бронзового стремена с головой оскалившегося дракона или грифона, что является одной из наиболее характерных черт культуры ранних кочевников евразийских степей от Северного Причерноморья до Северного Китая. Подобный стиль существовал у скифов, сарматов, саков, юэчжей, населения Южной Сибири, Забайкалья, Монголии, и в частности у хунну. Аналогичные стремена с пластинчатым ушком китайского происхождения были найдены на Уйбатском чаатасе. Данное стремя было обнаружено в 1948 г. сотрудником Якутской мерзлотной станции в окрестностях г. Якутска во время полевых работ. Наверху имеется 4-угольное отверстие, представляющее собой петлю. Сломанная подножка припаяна к дужке медью [Саввин, д. 32, л. 4, рис. 18, 19]. В комментариях к другим рисункам отмечается, что некоторые типы якутских стремян находят аналоги в археологических памятниках енисейских кыргызов (см.: [Евтюхова, 1948]). К наиболее древним видам он относит петельчатые восьмерковидные стремена с подножкой подпрямоугольной или овальной формы и стремена с трапециевидным ушком с прорезью [Саввин, д. 32, л. 3, 23].

Бесспорным свидетельством переселения части тюркоязычных групп в бассейн Лены А.А. Саввин считал рунические надписи и отдельные знаки орхоно-енисейского письма. В его материалах хранятся зарисовки рунических знаков, изученных им на Ленских скалах возле с. Петровское [Саввин, д. 36, л. 31–33]. По мнению Г.Г. Левина, рунические надписи и руноподобные знаки принадлежат тюркоязычным предкам якутов и могут быть предварительно датированы V–X вв. н.э. [2013, с. 38–39]. Об интересе А.А. Саввина к рунической письменности свидетельствует и серия его рисунков, объединенных под общим названием «Руны», в которой содержатся копии рунических знаков, нанесенных на металлические украшения, в том числе предметы конского снаряжения [Саввин, д. 10, л. 44–45].

Таким образом, А.А. Саввин в своих изысканиях придерживался мнения, что проблема происхождения якутов должна рассматриваться через призму взаимодействия и взаимовлияния древних и средневековых племен Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, через поиск присутствия в них общих этнокультурных элементов, ставших этносоставляющими для якутского народа.

Древние племена и роды, входившие в состав якутов

В полевых материалах А.А. Саввина содержится большое количество сведений о родоплеменных делениях и их названиях, являющихся ценным историко-этнографическим источником по рассматриваемой проблеме. Особый интерес представляют несколько вариантов составленного им в разные годы «Списка» якутских родов, которые по их происхождению он делит на три группы: тюркские, монгольские и маньчжурские [Саввин, д. 30, л. 1; д. 73, л. 61–62; д. 74, л. 90 и др.].

В одном из вариантов «Списка» отдельно выведены «древние роды», под которыми он подразумевает «автохтонов-скотоводов». Среди них значится локальная группа якутов под названием *бома* (мн. ч. *бомалар*) — жители бассейна р. Мома — правого притока Индигирки. «Мома» в фонетическом варианте северного говора якутского языка звучит как «Бома» [Саввин, д. 52, л. 13; д. 73, с. 62]. Ссылаясь на работу Г.Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия» [1926, с. 13], А.А. Саввин задается вопросом о роли пегих лошадей (ала ат) в культуре якутов. В последние годы

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

вопрос о связи якутов с племенем бома-алатов активно обсуждается исследователями. По мнению А.В. Харинского, именно с алатами-бома связан хуннский компонент в курумчинской культуре, этническими носителями которой являлись алаты, а не курыканы, как утверждал А.П. Окладников [Харинский, 2010, с. 238]. По мнению Л.П. Потапова и Д.Г. Савинова, многие детали в описании бома напоминают культуру якутов [Потапов, 1978, с. 86; Савинов, 1985, с. 36–37].

К якутским родам тюркского происхождения А.А. Саввиным отнесены: тогусы, ногайцы, хангаласцы, одеицы, оспехцы, чериктейцы, борогонцы, к монгольским — угулятцы, хоринцы, елюетцы, тюмэтцы, сортолы, моорукцы, чакырцы, хатылинцы, хадаарцы, боотулинцы, сылбанцы, эмис, берте и др. [д. 30, л. 1; д. 73, л. 61–62; д. 74, л. 90 и др.]. В одном из вариантов «Списка» присутствуют два рода хоро. Первый из них, под названием «хоринцы», значится в группе родов монгольского происхождения, второй — «хорулинцы» включен в тюркскую группу [Саввин, д. 73, л. 62]. При внимательном прочтении текстов локальных преданий о якутских хоро создается впечатление, что иногда речь идет о разных по языку и культуре родах. По преданиям якутов, проживающих в бассейне р. Амга — притока р. Аддана, язык хоро имел два вида: хоро диких оленей и хоро соһо оленей. По словарю Э.К. Пекарского, *соһо* — «красящий (или красильный) камень красного цвета, род красной или цветной охры; краска» [Пекарский, 1959, стб. 2290]. Можно допустить, что данное название в мифологическом сознании амгинцев связывалось с писаницами на р. Амга, выполненными охрой. Язык хоро диких оленей со временем превратился в сакральный язык шаманов, а хоро соһо полностью исчез [Павлов, 2005, с. 5]. Этноним хоро является одним из самых древних в Сибири и Центральной Азии. Предположение о первоначальной тюркоязычности предков хоро, впоследствии целиком омонголившись, было высказано сначала Б.О. Долгих [1953] и затем поддержано С.А. Токаревым [1958]. Этой гипотезы придерживался и исследователь военного дела якутов Ф.Ф. Васильев [1995, с. 27–29].

Прекрасный знаток шаманских текстов, А.А. Саввин обратил внимание и на то, что в них довольно часто встречаются архаичные слова, созвучные этнонимам средневековых племен Центральной и Средней Азии и Южной Сибири. Например, в якутском языке существует фразеологизм *уйгур мэнэрик* (букв. уйгурская кликуша) [Саввин, д. 51, л. 19]. Уйгур — разнузданный, сумасшедший, выходящий из нормы, предающийся разгулу [Пекарский, 1959, стб. 2981]. О том, что название шамана у якутов *ойуун* одинаково с названием камлания у уйгуров Восточного Туркестана *ойун*, *ойна* (игра, забава, танец) писал Л.П. Потапов [1978, с. 93]. Исследователи уйгурского шаманства одной из его особенностей называют обрядовый танец, посредством которого шаман и присутствующие обращали на себя внимание духов *пери*. По описанию С. Ольденбурга, шаманское камлание у уйгуров начиналось с танцев присутствующих старух (см.: [Басилов, 1992, с. 190]). Образ танцующих духов характерен для индоевропейских народов: например, космический танец Шивы (см.: [Там же]). Шаманы в уйгурском обществе, так же как и у якутов, занимали очень высокое положение. Они не только участвовали в решении всех главных дел племени, но и следовали за войсками во время боев, входили в военный совет и должны были вымалывать у неба победу для войска. Многие элементы шаманского обряда уйгуров и якутов, как и других народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, совпадают: духа умилюстивляли (ему давали жертву — животное или птицу); переводили болезнь в животных или предметы, у якутов даже на других людей; навредившего духа прогоняли прутьями тальника, древесными ветвями (як. *дьалбыыр*); в очистительных целях использовали огонь (у узбеков обряд очищения огнем назывался *алас*, у якутов — *алыас* [Пекарский, 1958, стб. 85]) и модель шаманского дерева «туг» (якут. *туру*), которое одновременно являлась мировым деревом и изображением шаманского пути на небо. Эти параллели, безусловно, свидетельствуют, что в течение длительного времени предки якутов жили в непосредственном контакте с уйгурами и, видимо, в это время у них образовался общий пласт шаманских представлений и обрядов. А.А. Саввин в своем «Списке» якутских родов в группу «древних» включает гаогуй — древних уйгуров [д. 74, л. 4]. Среди якутов и в настоящее время встречается фамилия Уйгуровы, возможно происходящая от древнего родового названия.

По заметкам А.А. Саввина, злой дух, увидев шамана, обычно задает вопросы: «Хайа дьюттугунуй? (Кто из дьютту явился?)», «Хайа тумат ураанхайгыный? (Из каких туматов уранхай?)», «Хайа борон ураанхайгыный (Кто из серых уранхайцев?)» или же «Хайа хаахайгыный? (Из какого рода хаахай?)» [д. 52, л. 6; 48, л. 27]. На что шаман отвечает «Саха байаан/байаат ойуунабын (Якутский байан/байат шаман)». Применительно к *дьютту* автор, ссылаясь на работу Н.Ф. Катанова, отмечает, что карагасы зовут урянхайцев чота, чоты (чаду) [Катанов, 1891, с. 142]. От-

носителем туматов интерес представляет заметка «Тубэт омул (племя тубэт)», согласно которой данное этническое образование проживало возле р. Ботуобуйа, что между реками Нюя и Виллюй. «По внешнему виду они не отличались от якутов и говорили они по-якутски. Некоторые якуты их еще называли туматами. Их впоследствии истребили тунгусы» [Саввин, д. 33, с. 18]. Современные исследователи носителей этнонимов «туба», «тува», «тофалары», «туматы» называют группами тувинского этноса [Ушницкий, 2013, с. 69]. Словоупотребление «серые уранхайцы» из шаманского текста нам представляется весьма примечательным, ибо у многих кочевых тюркских племен разделение на черную и белую кости было обычным явлением. Часто употребляемое в олонхо и шаманских текстах слово «саха байаат» или «саха байаан» А.А. Саввин сравнивал с названием туркменского племени баят, которое входило в объединение Огузов. Этноним «хаахай» исследователь сопоставляет с китайским этнонимом «хягас», обозначающим древнее население Минусинской котловины [Саввин, д. 75, л. 24].

Среди полевых материалов, собранных А.А. Саввиным во время северной экспедиции (1939 г.), имеются отдельные заметки о происхождении северных родов якутов. Племя ногайцев (якут. ногай, мн. ч. — ногайдар) кочевало вдоль границы лесотундры между реками Яной и Индигиркой. В 1930-х гг. ногайцы входили в состав Усть-Янского улуса и жили выше местности Бурулгун. Занимались скотоводством, рыболовством и охотой, было их всего 90 чел. Их также называли Хоболоох (хобо — женские косы) Борогон. Они имели родовой совет сугулан, возглавлявшийся князем, поклонялись орлану. Самостоятельным родом ногайцев считались юедейцы численностью 100 чел., селившиеся на р. Аллаиха — левом притоке р. Индигирки в местностях Кириэстэх, Хомо и Берелех. Во главе их рода стоял князец, в качестве тотема почитался лебедь [Саввин, д. 44, л. 336, 341, 351; д. 73, л. 98–99].

В научной литературе возникновение этнонима «ногайцы» и формирование ядра ногайского народа традиционно связывают с именем золотоордынского правителя Ногая (XIII в.). А.А. Саввин, ссылаясь на Н.Я. Бичурина, полагает, что этноним «ногай» был известен древним тюркам еще в V в. Более широкое распространение этноним получает при Эдигее (конец XIV — начало XV в.) и его преемниках, когда создается Ногайская Орда как самостоятельное государство. Появление ногайцев на территории Якутии исследователь, основываясь на трудах известного историка Средней Азии П.П. Иванова [1935], связывает с их массовыми передвижениями, вызванными военным поражением в противостоянии с Тохтамышем в 1395 г.: «Едигей, желая предохранить силы своих сторонников от возможных посягательств со стороны Тимура, распорядился, чтобы все его приверженцы и сопутствующие племена спешно кочевали в глухие отдаленные места. Обращение Едигея относилось в первую очередь к племени, откуда происходил сам, именно к мангытам (ногаям)». А.А. Саввин считал, что часть ногайцев в те смутные времена ушла на север и память о легендарном Едигее сохранилась у якутских ногаев в виде названия рода «юедегей» [Там же, л. 98–99]. Несмотря на недостаточную обоснованность и отсутствие аргументации (например, сопоставление названия рода «юедегей» с собственным именем «Едигей», построенное на простом созвучии), А.А. Саввин впервые поставил вопрос о генезисе якутских ногайцев, остающийся до сих пор вне поля зрения исследователей.

По мнению А.А. Саввина, у якутов, испытавших влияние культуры тюркского мира, организация и способы охоты, в отличие от коневодства и земледелия, имеют монгольские корни. Так, в именах якутских божеств охоты Байаная и Синкэн (Ынкэн) Эрилик он усматривал имена мифологизированных исторических лиц братьев Баян и Минган — главных начальников охоты при дворе великого Монгольского хана Хубилая. В ведении каждого из них находились 10 тыс. псарей [Шкловский, 1936, с. 161]. Облавную охоту на зайцев (куобах курэгэ) он рассматривает как отражение облавной охоты монголов [Саввин, д. 51, л. 54]. Среди полевых записей содержатся материалы об охоте гоном (преследовании зверей верхом на лошадях) с собаками, фиксированные им в районах Центральной Якутии [Саввин, д. 29, л. 12; д. 51, л. 47], хотя В.Л. Серошевский в свое время писал, что данный способ активной охоты сохранился только на севере, «где огромные озера, перемежающиеся с редкими лесами, образуют слабое подобие степи» [1993, с. 294].

В своих изысканиях по изучению родовых названий якутов А.А. Саввин, наряду с этнографическими и фольклорными материалами, часто обращается к этнонимам, зафиксированным в письменных памятниках, например в китайских летописях (огуз (гагауз), бома, уйгур (гаогуй), дубо, хягас и др.). Он одним из первых в якутской этнографии обратил внимание на происхождение и историю якутских родов всех трех этнолокальных групп (центральной, виллюйской и северной) и попытался провести персонификацию (термин А.Н. Алексеева) этнических субстрат-

ных слоев в этногенезе саха. В наши дни данный вопрос активно разрабатывается в рамках исследований вопросов этнической и социальной истории народов Якутии [Борисов, 2010; Ушницкий, 2013, 2014; и др.].

Заключение

Всякая научная гипотеза должна предсказывать появление новых фактов (это называют также предсказательной силой гипотезы) и должна быть проверяемой хотя бы временем. Несмотря на некоторую схематичность, недостаточную обоснованность и дискуссионность, многие положения и идеи, высказанные А.А. Саввиным почти 70 лет назад, не теряют своей актуальности. Предложенная им периодизация формирования якутского народа, с некоторыми уточнениями и развернутой детализацией, в целом получила подтверждение в последующих гипотезах [Константинов, 1975; Зыков, 1982; Гоголев, 1993]. Его предположение о якутско-хуннских параллелях, свидетельствующих о раннем этапе формирования якутов, аргументировано новыми материалами палеоэтнографии и артефактами из археологических открытий последних лет [Саввинов, 2010, 2013; Алексеев, 2013]. Несомненный интерес представляет его идея о ранних скотоводах-кочевниках, которые к появлению поздних пришельцев, проходя длительную адаптацию в первую очередь хозяйства и материальной культуры к географическим и климатическим условиям северного края, превратились в его «автохтонов». У «южных» предков якутов исторические судьбы сложились по-разному. Часть их сумела сохранить и развить скотоводческую в своей основе культуру. Наиболее слабые и малочисленные, потеряв свой скот, превратились в таежных «пеших» охотников и рыболовов. Представляет определенный интерес идея А.А. Саввина о том, что именно с ранними скотоводами-кочевниками — «осколками» степных империй, а не с тунгусами столкнулись представители последней волны переселенцев. Он, в отличие от авторов других гипотез, не рассматривал тунгусов в качестве аборигенов края. Правда, на примере мифологических *ньууччугуй суруксуттар*, записывающих судьбы людей на черных и белых небесных грамотах, предполагал, что предки якутов имели контакты со средневековыми тунгусо-маньчжурскими племенами, например нойчжа (чжурчженями). В его материалах много заметок о непосредственных связях якутских родов с юкагирами и чукчами на северо-востоке [Саввин, д. 40, л. 28, 99; д. 44, 25, 63, 76; д. 46, л. 431 и др.], а на западе — с племенами «шитых рож», обитавшими от Хатанги до устья Вилюя [Саввин, д. 8, л. 3, 7]. Более того, исследователь отмечал присутствие параллелей в культуре якутов и северных американских индейцев. К таковым он относил жилища в виде полуземлянок [Саввин, 2016b, с. 62–63, 204, 205], военные обычаи, в том числе скальпирование поверженных врагов, элементы одежды — например, боа из беличьих хвостов, берестяные лодки, висячие гробы [Саввин, д. 10, л. 84; д. 74, л. 41]. Якуты и индейцы тлинкиты заготавливали одинаковым способом сушеную заболонь, угощали своих божеств и духов, бросая в огонь листья табака, употребляли в пищу водяную крысу (якут. *маттага*) [Саввин, 2005, с. 147–148, 186, 194, 198]. По мнению А.Н. Алексеева, в параллелях в культуре якутов и индейцев отражается, возможно, общий палеоазиатский пласт, исторически связанный с миграциями древнего населения Сибири в Новый Свет [Алексеев, 1996, с. 48].

Интересна трактовка А.А. Саввиным междусобной борьбы якутских родов в период «кыргыз уйтэ», которую он расценивал как противостояние автохтонов, т.е. потомков ранних кочевников, и поздних пришельцев в лице потомков Элляя — хангаласцев. Иными словами, «век битвы и резни» ознаменовал собой завершающий этап сложения якутского народа. Это отчасти подтверждается материалами археологических раскопок раннеякутских погребений Атласовское I и Сергеляхское, датируемых XIV–XVI вв., представляющих собой захоронения убитых в сражении воинов-всадников [Багашев и др., 2016; Бравина и др., 2016]. Артефакты этих погребений обнаруживают сходство с археологическими материалами усть-талькинской культуры Предбайкалья, датируемой XII–XIV вв. [Николаев, 2004].

Таким образом, гипотеза А.А. Саввина дополняет теорию происхождения якутов огромным количеством фактических материалов по этнографии и фольклору, неожиданными догадками, дискуссионными суждениями, постановкой интересных, не потерявших актуальности вопросов. В ней присутствуют весьма ценные идеи, которые могут способствовать поиску путей решения проблемы. Статью хочется завершить словами А.А. Саввина о том, что каждый народ формируется, проходя через испытания временем и историей, чтобы потом «в лице своих далеких потомков продолжать жить и развиваться» [д. 73, л. 97].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев А.Н. Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 95 с.
- Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова, 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.
- Алексеев А.Н., Крюбezi Э. Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: Древность и современность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 91–101.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб.: Тип. С.Н. Худякова, 1897. 182 с.
- Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 3–16.
- Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 137–147.
- Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 324 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. 334 с.
- Боло С.И. Пролог якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 352 с.
- Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.
- Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Кузьмин Я.В. Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Зубова А.В., Алексеева Е.А. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.
- Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
- Гоголев А.И. Якуты: Проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1: Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Тип. Главного ботанического сада, 1926. 426 с.
- Долгих Б.О. Некоторые вопросы древней истории западных бурят // КСИЭ. 1953. Вып. XVIII. С. 39–49.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1948. 110 с.
- Зыков И.Э. Поэтапное расчленение этногенеза якутов (постановка вопроса) // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982. С. 134–136.
- Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Труды Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1935. Т. VII. 300 с.
- Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. // ЗРГО. 1891. Т. XVII. Вып. 2. С. 133–230.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 362 с.
- Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 106–173.
- Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. Т. 1. 572 с.
- Левин Г.Г. Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2013. 439 с.
- Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.
- Муратов Б.А., Суюнов Р.Р. Огузские кланы: Этногенез и геногеография — 1 // БЭИП «Суюн». Т. 2, июль 2015. № 7 [1, 2]. С. 648–694.
- Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосиздат, 1949. 440 с.
- Ойунский П.А. О происхождении якутов // Чолбон. 1928. № 5. С. 30–44.
- Павлов П.М. Сулгачы туелбэтигэр. Якутск: Якутия, 2005. 204 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Изд. АН СССР. М., 1958, 1959. Т. I–III.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.
- Потапов Л.П. Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // СЭ. 1978. № 5. С. 85–95.
- Романова Е.Н. Свет древних преданий // Саха терут санаатын чинчийээччи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. Якутск: Алаас, 2016. С. 31–33.
- Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия: (Опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 375 с.

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

- Саввин А.А. Моя автобиография // Саха терут санаатын чинчийээччи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. Якутск: Алаас, 2016. С. 110–116.
- Саввин А.А. Приложения. Этнографические заметки, рисунки // Саха терут санаатын чинчийээччи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. Якутск: Алаас, 2016. С. 58–109, 204–205.
- Савинов Д.Г. Основные этапы этнической истории алатов // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 30–39.
- Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сиб. сборник-2: К юбилею Е.А. Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 68–81.
- Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Сев.-Вост. гуманитар. вестник. 2013. № 2 (7). С. 59–72.
- Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Токарев С.А. Происхождение якутской народности // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 58–62.
- Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3. С. 12–36.
- Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // СА. 1958. № 2. С. 38–43.
- Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 9–10. С. 5–41.
- Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
- Ушницкий В.В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья: (К проблеме этногенеза саха). Якутск, 2013. 170 с.
- Ушницкий В.В. Вопросы изучения ранней этнической истории и родового состава народов Якутии. Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2014. 144 с.
- Харинский А.В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. С. 93–99.
- Харинский А.В. Об этнической принадлежности курумчинской культуры // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 229–238.
- Шкловский В. Марко Поло. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. 352 с.

Источники

Саввин А.А. Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1, 8, 10, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 40, 44, 46, 50, 51, 52, 69, 73, 74, 75, 86.

R.I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru

A NEW OLD HYPOTHESIS OF THE ORIGIN OF THE YAKUTS (ON THE OCCASION OF THE 100th ANNIVERSARY OF A.A. SAVVIN, A SPECIALIST IN FOLKLORE, ETHNOGRAPHER, AND LOCAL HISTORIAN)

A.A. Savvin (1896–1951) was one of the first Yakut ethnographers and folklore specialists who left huge scientific heritage of which only a small article was published during his lifetime. The Manuscript collection of IHRISN of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science keeps his personal collection consisting of about 100 items with a total amount of more than 500 printed pages. The guiding idea of his works was the question of the origin of the Yakuts. A.A. Savvin didn't have time to arrange his views into a well-knit system during his lifetime, but nevertheless, his notes and reflections based on a wide use of folklore, ethnographic, linguistic, archeological and historical sources have stood the test of time. The aim of this article is to select, order and systematize his random notes and essays and to reconstruct thereby the author's vision of the problem of the origin of the Yakuts. Many ideas stated by A.A. Savvin in his manuscripts find scientific support nowadays, confirming thereby his deep understanding of the scientific problem under consideration, for example, periodization of the ethnogenesis of the Yakuts in three main stages, distinguishing of the layer of Yakut-Hun parallels, personification of ancient and medieval clans which made up the central core of the Sakha people and their culture, early (prior to Russian) occupation of Northeast outlying areas by nomadic herders, etc. Hence, this article considers the modern conceptual ideas of the problem of the ethnogenesis of the Yakuts, basing on cross-disciplinary analysis of the latest paleoethnographic data and archaeological artifacts of the last several years.

Key words: A.A. Savvin, hypothesis, ethnogenesis, the Yakuts, interaction, nations, culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105

REFERENCES

- Alekseev A.N., 1996. *Drevniaia Iakutiia: Zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Medieval epoch], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 95 p.
- Alekseev A.N., 2013. Rannie kochevniki v Iakutii [First nomads in Yakutia]. *Vestnik Sev.-Vost. federal. universiteta im. M.K. Ammosova*, vol. 10, no. 5, pp. 62–69.
- Alekseev A.N., Crubezy E., 2016. Siuzhety parnykh konskikh golovok v kul'turakh Iakutii: Drevnost' i sovremennost' [Representations of Paired Horse Heads in Yakut Art: Past and Present]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, vol. 44 (2), pp. 91–101.
- Alekseev M.V., 2001. Aattamat aian aartyga [Sacred road of the ancestors]. *Ilin*, no 2, pp. 23–25.
- Aristov N.A., 1897. *Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskikh plemen i narodnostei i svedeniia ob ikh chislennosti* [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and peoples and estimated population size], St. Petersburg: Tip. S.N. Khudiakova, 182 p.
- Artamonov M.I., 1949. K voprosu ob etnogeneze v sovetskoj arkheologii [Concerning the issue of ethnogenesis in Soviet archaeology]. *KSIIIMK*, XXIX, pp. 3–16.
- Bagashev A.N., Razhev D.I., Zubova A.V., Bravina R.I., D'iaikonov V.M., Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Khodzshins G.V.L., 2016. Antropologicheskoe issledovanie rannei Iakutskogo Atlasovskogo pogrebeniia XIV–XV vv. [A Medieval Yakut burial near the lake Atlasovskoye: an anthropological study]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 44 (2), pp. 137–147.
- Basilov V.N., 1992. *Shamanstvo u narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the people of Central Asia and Kazakhstan], Moscow: Nauka, 324 p.
- Bichurin N.Ia., 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples which lived in Central Asia in ancient times], vol. II, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 334 p.
- Bolo S.I., 1994. *Proshloe Iakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniiam Iakutov byvshego Iakutskogo okruga* [The past of Yakuts before the arrival of Russians to the Lena river: According to the legends of Yakuts from the former Yakut District], Iakutsk: Bichik, 352 p.
- Borisov A.A., 2010. *Sotsial'naia istoriia Iakutov v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremia: (Opyt kompleksnogo issledovaniia)* [History of Yakuts in the late Middle Ages and Modern times: (A comprehensive research)], Novosibirsk: Nauka, 272 p.
- Bravina R.I., D'iaikonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V., Kuz'min Ia.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Zubova A.V., Alekseeva E.A., 2016. Kompleksnoe issledovanie rannei Iakutskogo Sergeliakhskego pogrebeniia serediny XV — nachala XVI v. [A comprehensive study of the early Yakut Sergelyakh burial of the XV — beginning of the XVI centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (35), pp. 90–109.
- Dolgikh B.O., 1953. Nekotorye voprosy drevnei istorii zapadnykh buriat [Some issues of the ancient history of the Western Buryats]. *KSIE*, XVIII, pp. 39–49.
- Evtiukhova L.A., 1948. *Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakassia)], Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 110 p.
- Funk D. A., Tomilov N.A., 2006, (ed.). *Tiurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia], Moscow: Nauka, 678 p.
- Gogolev A.I., 1993. *Iakuty: Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury* [The Yakuts: (Problems of ethnogenesis and formation of the culture)], Iakutsk: Izd-vo Iakut. gos. un-ta, 200 p.
- Grumm-Grzhimailo G.E., 1926. *Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran* [Western Mongolia and Uryankhai region. An anthropological and ethnographic study of these countries], vol. 3, 1, Leningrad: Tip. Glavnogo Botanicheskogo Sada, 426 p.
- Ivanov P.P., 1935. Ocherk istorii karakalpakov [An essay on the history of the Karakalpaks]. *Trudy Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, vol. VII, Moscow; Leningrad, 300 p.
- Katanov N.F., 1891. Poezdka k karagasam v 1890 g. [A journey to the Karagas in 1890]. *ZRGOE*, vol. XVII, 2, pp. 133–230.
- Kharinskii A.V., 2003. Predbaikal'e nakanune obrazovaniia mongol'skogo gosudarstva [Cisbaikalia before the formation of the Mongolian State]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii*, Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. gos. un-ta, pp. 93–99.
- Kharinskii A.V., 2010. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti kurumchinskoj kul'tury [On ethnic identity of the Kurumchi culture]. *Etnogenez i kul'turogenez v Baikalskom regione (srednevekov'e)*, Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, pp. 229–238.
- Kiselev S.V., 1949. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 362 p.
- Konstantinov I.V., 1975. Proiskhozhdenie Iakutskogo naroda i ego kul'tury [The origin of the Yakut people and its culture]. *Iakutiia i ee sosedi v drevnosti*, Iakutsk, pp. 106–173.
- Ksenofontov G.V., 1937. *Uraankhai-sakhalar: Ocherki po drevnei istorii Iakutov* [Uraanhay-sahalar: Essays on the ancient history of Yakuts], vol. 1, Irkutsk: Vost.-Sib. obl. izdatel'stvo, 572 p.

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

- Levin G.G., 2013. *Istoricheskaja svjaz' iakutskogo iazyka s drevnimi tiurkskimi iazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tiurkskimi i mongol'skimi iazykami)* [Historical connection between the Yakut and the Turkic languages in VII–IX (in comparison with with the East-Turkic and Mongol languages)], Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 439 p.
- Muratov B.A., Suiunov R.R., 2015. Oguzskie klany: Etnogenez i genogeografiia — 1 [Oghuz clans: Ethnogenesis and genogeography — 1]. *BEIP «Suiun»*, vol. 2, no. 7 [1, 2], pp. 648–694.
- Nikolaev V.S., 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kočevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XV vekakh: Ust'tal'kinskaia kul'tura* [Funerary complexes of the nomads in the South of Central Siberia in the 12th–14th centuries: The Ust-Talkinskaya culture], Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo IG SO RAN, 306 p.
- Oiunskii P.A., 1928. O proiskhozhdenii iakutov [On the origin of Yakuts]. *Cholbon*, no. 5, pp. 30–44.
- Okladnikov A.P., 1949. *Iakutiia do prisoedineniia k Russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state], Iakutsk: Iakutgosizdat, 440 p.
- Pavlov P.M., 2005. *Sulgachchy tuelbetiger* [At Sulgachchy homestead], Iakutsk: Iakutiia, 204 p.
- Pekarskii E.K., 1958. *Slovar' iakutskogo iazyka* [Dictionary of the Yakut language], vol. I–III, Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Popov A.N., Chikisheva T.A., Shpakova E.G., 1997. *Boismanskaia arkheologicheskaja kul'tura luzhnogo Primor'ia (po materialam mnogosloinogo pamiatnika Boimana-2)* [The Boisman archaeological culture of Southern Primorye (based on the materials of the multi-layer site of Boimana-2)], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 96 p.
- Potapov L.P., 1978. Istoricheskie svyazi altae-saianskikh narodov s iakutami (po etnograficheskim materialam) [Historical connections of the Sayano-Altai peoples with the Yakuts (based on ethnographic materials)]. *Sovetskaja etnografiia*, no. 5, pp.85–95.
- Romanova E.N., 2016. Svet drevnikh predanii [The light of ancient legends]. *Sakha terut sanaatyn chinchieechchi, uchuonai Andrei Andreevich Savvin*, Iakutsk: Alaas, pp. 31–33.
- Savinov D.G., 1985. Osnovnye etapy etnicheskoi istorii alatov [The main stages of the ethnic history of the Alats]. *Istoricheskaja etnografiia*, Leningrad: Izd-vo LGU, pp. 30–39.
- Savinov D.G., 2010. Dotiurkskii plast v paleoetnografii iakutov [A Pre-Turkic layer in paleoethnography of the Yakuts]. *Sibirskii sbornik-2: K iubileiu E.A. Alekseenko*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 68–81.
- Savinov D.G., 2013. Arkheologicheskie materialy o iuzhnom komponente v kul'turogeneze iakutov [Archaeological materials about the Southern component in cultural genesis of the Yakut people]. *Sev.-Vost. gum. vestnik*, no. 2 (7), pp. 59–72.
- Savvin A.A., 2005. *Pishcha iakutov do razvitiia zemledeliia: (Opyt istoriko-etnograficheskoi monografii)* [Food of the Yakuts before the development of agriculture: (A historical and ethnographic monograph)], Iakutsk: IGI AN RS (la), 375 p.
- Savvin A.A., 2016a. Moia avtobiografiia [My autobiography]. *Sakha terut sanaatyn chinchieechchi, uchuonai Andrei Andreevich Savvin*, Iakutsk: Alaas, pp. 110–116.
- Savvin A.A., 2016b. Prilozheniia. Etnograficheskie zametki, risunki [Appendices. Ethnographic notes, drawings]. *Sakha terut sanaatyn chinchieechchi, uchuonai Andrei Andreevich Savvin*, Iakutsk: Alaas, pp. 58–109, 204–205.
- Seroshevskii V.L., 1993. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An ethnographic research], 2-e izd., Moscow: ROSSPEN, 736 p.
- Shklovskii V., 1936. *Marko Polo* [Marco Polo], Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 352 p.
- Tokarev S.A., 1941. Proiskhozhdenie iakutskoi narodnosti [The origin of the Yakuts]. *KSIIIMK*, IX, pp. 58–62.
- Tokarev S.A., 1949. K postanovke problem etnogeneza [Setting the problem of ethnogenesis]. *Sovetskaja etnografiia*, no. 3, pp. 12–36.
- Tokarev S.A., 1958. O proiskhozhdenii buriatskogo naroda [On the origin of the Buryat people]. *Sovetskaja arkheologija*, no. 2, pp. 38–43.
- Tolstov S.P., 1935. Perezhitki totemizma i dual'noi organizatsii u turkmen [Vestiges of totemism and dual organization among the Turkmens]. *Problemy istorii dokapitalisticheskogo obshchestva*, no. 9–10, pp. 5–41.
- Ushnitskii V.V., 2013. *Naselenie Baikal'skogo regiona v erokhu srednevekov'ia: (K probleme etnogeneza Sakha)* [Population of the Baikal region in the Middle Ages: (Revisiting the problem of ethnogenesis of the Sakha)], Iakutsk, 170 p.
- Ushnitskii V.V., 2014. *K voprosy izuchenii rannei etnicheskoi istorii i rodovogo sostava narodov Iakutii* [Revisiting studies of the early ethnic history and tribal composition of the peoples of Yakutia], Iakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 144 p.
- Vasil'ev F.F., 1995. *Voennoe delo iakutov* [Art of war of the Yakuts], Iakutsk: Bichik, 224 p.
- Zykov I.E., 1982. Poetapnoe raschlenenie etnogeneza iakutov: (Postanovka voprosa) [Phases of ethnogenesis of the Yakuts: (Raising a question)]. *Problemy arkheologii i perspektivy izucheniia drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka*, Iakutsk, pp. 134–136.